

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Цена на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Бородино. Т. Пассекъ.—II. Французскій плѣнникъ въ Россіи въ 1813 году.—III. Бородино. (Стих.). М. Лермонтова.—IV. Разказы мѣсяца. Андерсена.—V. Статуя Торвальдсена. * * *.

БОРОДИНО.

Изъ разказовъ моего дяди.

Не даромъ помнитъ вся Россія
 Про день Бородина.
 Лермонтовъ.

ЦѢЛЫЙ день бушевала вьюга, и мела такая мятель, что свѣта Божьяго было невидно. Въ комнатахъ чувствовался холодъ, несмотря на то, что всѣ печи въ домѣ, по обыкновенію, были жарко вытоплены. Вѣтеръ пронизывалъ деревянныя стѣны. Я забралась на широкую лежанку въ нашей дѣтской, перетащила туда свои картинки,

и, разсматривая ихъ, приготовлялась къ общанному разсказу о битвѣ при Бородинѣ.

Вечеромъ собрались всѣ въ кабинетѣ.

Каминъ топился. Вѣтеръ временами то порывисто хлесталъ снѣгомъ въ окна, то посыпалъ имъ по стекламъ точно дробью. Отецъ мой придвинулъ къ дивану столикъ и сталъ раскладывать на немъ пасьянсъ. Мать моя сѣла подлѣ него съ работой. Я умѣстилась въ большихъ креслахъ съ ногами.

Въ кабинетѣ, согрѣтомъ огонькомъ камина, освѣщенномъ двумя восковыми свѣчами, казалось какъ бы уютнѣе чѣмъ когда нибудь.

— Не весело мы отступали къ Москвѣ, началъ дядя, покойно устроившись на диванѣ; Наполеонъ шелъ слѣдомъ за нами. Войско наше пріуныло. Оно недовѣряло главнокомандующему—подозрѣвало его въ измѣнѣ. Подозрѣвали его напрасно—онъ былъ нѣмецъ, но преданъ Россіи.

Единства духа съ народомъ въ немъ не было, это точно.

Тяжелъ былъ этотъ переходъ! жары стояли нестерпимые, солнце жгло. Порой томила жажда. По дорогѣ душная пыль охватывала со всѣхъ сторонъ. Мѣстами мы шли засѣянными полями—хлѣбъ на поляхъ стоялъ неубраннымъ, кой-гдѣ лежали сжатые снопы.

Проходя деревни и города, солдаты говорили жителямъ: французъ идетъ за нами, убирайтесь дальше. Армія проходила; жители забирали свои пожитки и скотъ и скрывались. Дома свои часто сжигали. По нашему пути погорѣло много деревень, и сгорѣло два города: Вязьма и Дорогобужъ.

Между тѣмъ повсюду готовились отражать непріятеля. Былъ объявленъ большой рекрутскій наборъ. Ополчилось семнадцать губерній.

— Памятно и мнѣ это время, сказалъ мой отецъ, я принадлежалъ къ тверскому ополченію и былъ адъютантомъ при начальникѣ. Стояли мы въ Клину, отъ нечего дѣлать собирались то у того, то у другаго потолковать, почитать газеты, поиграть въ карты и очень пріятно проводили время.

Только разъ были перепуганы до полу-смерти; крикнули въ городъ—французы! оказалось, въ городъ вошли казаки съ плѣнными.

— Ну, братъ, замѣтилъ дядя, знаю, ты не изъ храбрыхъ; потомъ обратясь къ моей матери, спросилъ, а вы, сестрица, гдѣ были въ это время?

— Незадолго до нашествія непріятеля, отвѣчала моя мать, возвратился изъ Кременчуга батюшка, и какъ только услышалъ, что Наполеонъ приближается къ Москвѣ, такъ и поднялся изъ Новоселья, забралъ съ собою пропасть вещей, множество прислуги и меня съ дѣтьми. Уѣхали мы, Богъ знаетъ почему, въ небольшой уѣздный городокъ Весъегонскъ, куда непріятель могъ забраться такъ же легко какъ въ Корчеву и въ Новоселье. Лишь только дошелъ до Весъегонска слухъ, что Наполеонъ бѣжалъ изъ Москвы, и бѣжитъ изъ Россіи, такъ мы и возвратились въ Новоселье. Когда же тверское ополченіе на зиму перебралось въ Тверь, то и я туда же съ дѣтьми переѣхала. Въ Корчеву мы возвратились весной. Въ Корчевѣ мы имѣли первыя живыя свѣдѣнія о Наполеонѣ, о пожарѣ Москвы и о ея раззореніи. Дядюшка И. А., собираясь выѣхать изъ Москвы, просбирался до тѣхъ поръ, пока непріятель занялъ Москву, и выѣздъ изъ нее былъ запрещенъ. Дядюшку французы заставили двое сутокъ таскать ведрами воду и заливать горѣвшіе дома. По счастью онъ встрѣтилъ знакомаго французскаго генерала, тотъ доложилъ о немъ Наполеону; Наполеонъ призвалъ дядюшку во дворецъ, много говорилъ съ нимъ и велѣлъ дать ему и его семейству пропускъ. Весной они приѣхали въ Новоселье.

— Да, сказалъ дядя, недолго прогостили у насъ незваные и нежеланные гости. А вотъ какъ еще наши व्यюги да мятели пошли—непонравилось имъ.

Въ это мгновеніе вѣтеръ страшно шарахнулъ въ окна снѣгомъ и съ такимъ визгомъ пронесся по двору, что всѣ невольно вздрогнули.

— Поговоримъ и о морозахъ двѣнадцатаго года, продол-

жалъ дядя, уложивши поудобнѣе на вышитую подушку свою раненую руку, подвязанную чернымъ шелковымъ платкомъ, а пока посмотримъ, что дѣлалось подъ селомъ Бородинымъ, бѣдные жители котораго не ждали и не гадали себѣ такой бѣды. Чтобы войско не терпѣло голода, разослана была по деревнямъ мука печь хлѣбы и сушить сухари. Готовили повозки и лошадей для перевозки раненыхъ. На петербургскую дорогу высланъ былъ корпусъ, подъ начальствомъ Винценгероде, заграждать путь Наполеону въ Петербургъ. Наполеонъ и туда отправилъ отрядъ.

— Истинно, прости Господи,—вездѣ поспѣлъ, замѣтила старый другъ мой—Петровна, разливавшая чай вмѣсто моей матери.

— Правда ваша, Катерина Петровна, сказалъ дядя, и надоѣлъ же онъ намъ! А чтобы вы сказали, еслибы Наполеонъ покорилъ Россію?

— Ну ужъ подъ властью Бонапартишки я жить не стала бы, отвѣчала Петровна. Все же,—слава Богу, я русская.

— Дядя, сказала я, обратившись къ нему, и я не покорилась бы Бонапарту, вѣдь и я русская.

— Какая ты русская,—недовольнымъ тономъ прервала меня старушка, ты просто сорви-голова, и серебро-то было все упрятала врагу отечества.

Этотъ, не разъ слышанный мною отъ друга моего, упрекъ всегда глубоко огорчалъ меня, и я замолчала.

На вопросъ дяди, что это за исторія съ серебромъ, ему рассказали что я передала было подошедшимъ къ окну плѣннымъ швейцарцамъ все наше столовое серебро приготовленное къ обѣду.

Потолковавши еще о разныхъ домашнихъ событіяхъ, дядя продолжалъ свой разсказъ.

— Составилось петербургское ополченіе. Начальникомъ ополченія избранъ былъ свѣтлѣйшій князь Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ. По всеобщему желанію, государь назначилъ его и главнокомандующимъ надъ всей арміей.

Барклаю-де-Толли государь сообщилъ объ этомъ милостивымъ письмомъ въ Царево-Займищево, гдѣ войско наше остановилось, располагая тутъ дать сраженіе Наполеону.

Кутузову было въ то время уже семьдесятъ лѣтъ, но смотрѣлъ онъ еще молодцомъ, хотя былъ сѣдъ, тучень, объ одномъ глазѣ *), роста не высокаго, ходилъ ныряющей походкой.

Народъ и солдаты любили его и вѣрили въ него. Кутузовъ былъ русской всей душою, не смотря на то, что зналъ отлично французскій языкъ и любилъ читать французскіе романы. Онъ взволнованнымъ голосомъ сказалъ: „до чего довели“, и сквозь слезы говорилъ: „заставлю французѣвъ ѣсть лошадиное мясо“. То что чувствовалъ онъ, то чувствовалъ весь народъ, въ этомъ чувствѣ было его единство съ народомъ, изъ него истекло и общее желаніе, чтобы онъ сдѣланъ былъ главнокомандующимъ.

Получивши назначеніе, свѣтлѣйшій немедленно собрался въ путь. Передъ отбѣздомъ онъ отслужилъ молебенъ въ Казанскомъ соборѣ и, неостанавливаясь, покатилъ до мѣста.

Въ арміи ждали его радостно и нетерпѣливо. Въ обращеніи съ солдатами онъ былъ простъ и любилъ даже шутить съ ними. Солдаты часто ходили съ нимъ въ огонь и были ему преданы. Чувство своей любви къ нему они передавали и народу. Когда Кутузовъ ѣхалъ къ арміи, то по дорогѣ народъ толпами выходилъ къ нему на встрѣчу, становился на колѣни и молилъ его избавить ихъ отъ врага. Подъ Гжатскомъ народъ отложилъ его лошадей и на себѣ довезъ до Царево-Займищева, гдѣ стояла наша армія. Какъ завидѣло его войско, такъ и грянуло „ура“. На князѣ былъ надѣтъ мундирный сюртукъ, безъ эполетъ, на головѣ бѣлая фуражка съ краснымъ околышкомъ, черезъ одно плечо шарфъ, черезъ другое ремень съ нагайкой. Осмотрѣвши мѣстность Царево-Займищево, Кутузовъ нашель, что оно неудобно для сраже-

*) Онъ лишился глаза въ сраженіи.

нія, и надобно отойти къ селу Бородину. На Бородинскомъ полѣ мы и остановились. Поле это обтекають два ручья: Огникъ и Стонецъ, и двѣ рѣки: Колоча и Война.

Не думали и не гадали такого горя крестьяне Бородина и окрестныхъ селеній—стали укладываться, забрали скоть и выѣхали кто куда зналъ; иные убрались въ лѣса.

Какъ только осмотрѣли мѣстность и сняли съ нея планъ, такъ и стали готовиться къ сраженію, къ войску прибыло смоленское и московское ополченіе. Многіе изъ ополченцевъ пріѣзжали въ бричкахъ, надъ которыми прикрѣплены были образки—родительское благословеніе.

При этихъ словахъ дяди, я поспѣшно встала съ своего кресла, побѣжала въ дѣтскую и принесла двѣ картинки,—на одной представлена была деревенская изба, старикъ-отецъ благословляетъ образомъ сына ратника; въ сторонѣ плачутъ мать и жена его.

Къ этой картинкѣ была сложена и пѣсня, я нерѣдко слышала какъ ее пѣвали:

Вотъ изъ нее нѣсколько куплетовъ.

Ахъ не ласточка, не ясенъ соколъ
Вкругъ тепла гнѣзда увивается,
Увивается старъ-матерый мужъ,
Съ женой вѣрною, доброй матерью.
Со хозяйкою домовитою,
Вкругъ надежды ихъ—сына милаго,
Онъ идетъ отъ нихъ въ дальну сторону,
Опоясавшись саблей вострою.

* * *

Ахъ не боръ шумить, не рѣка лется,
Обливается горячими слезми
Возрыдаючи молода жена,
Разставаяся съ краснымъ солнышкомъ,
Провожаючи друга милаго,
Онъ идетъ отъ нея въ дальну сторону,
Опоясавшись саблей вострою.

* * *

Не труба трубить, и не мѣдь звенить,
Раздается рѣчь добра молодца;
Ахъ тебѣ-ль вздыхать, родной батюшка,
Перестань тужить, ты родимая,
Не крушись, не плачь, молода жена,
Береги себя сердцу милая.

* * *

Вы утѣшьтеся и порадуйтесь:
Не наемникъ васъ защищать идетъ;
Не прельстятъ меня яркимъ золотомъ,
Ни каменьями самоцвѣтными:
Не продамъ за нихъ милой родины:
Отца, матери, молодой жены,
Не ударюсь я во позорный бѣгъ,
Ни отъ тучи стрѣлъ, ни отъ полмяя;
Я на все пойду съ Божьей помощью,
Вы помолитесь Спасу чудному,
Онъ услышитъ васъ и поможетъ намъ.
Всѣ разсыплются злые варвары,
И родимый вашъ возвратится къ вамъ.

На другой картинкѣ представлено было возвращеніе ратника въ родную семью.

Поговоривши о ратникахъ и повсемѣстномъ духѣ времени, дядя перешелъ опять къ Бородинской битвѣ.

— Армія наша растянулась на восемь верстъ, отъ села Новаго до селенья Утицы.

Позиція была избрана по рѣкѣ Колочѣ, пересѣкающей большую дорогу, которая идетъ изъ Смоленска въ Москву. Въ началѣ лѣвый флангъ нашей арміи былъ назначенъ близь селенія Шевардино, правый—около Новаго, центръ—въ селѣ Бородинѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Колоча сливается съ Войной.

Изъ этого расположенія войска видно, что цѣль начальства была загородить непріятелю дорогу въ Москву.

24-го августа, вслѣдъ за нами пришелъ въ эти же мѣста и Наполеонъ—прямо къ селенію Валуеву и напалъ на нашъ

Шевардинскій редутъ *) не всей арміей, а сильнымъ отрядомъ, мы также отдѣлили отрядъ защищать нашъ редутъ. Бились страшно нѣсколько часовъ, то непріятель отнималъ у насъ Шевардинскій холмъ, то мы брали его обратно. Убито было у насъ до 6,000 человекъ,—французовъ также легло множество.

Къ вечеру свѣтлѣйшій велѣлъ намъ отступить. Такъ Шевардино и осталось у французовъ.

— Въ двадцатыхъ числахъ августа, сказала моя мать, дядюшка И. А. посылалъ своего управляющаго въ селенье Перхушково, принадлежащее его старшему брату, по какимъ-то дѣламъ; управляющій возвратился 25 числа и рассказывалъ, что 24 числа слышалась пальба такая ужасная, что въ Перхушковѣ земля дрожала отъ выстрѣловъ.

— Да, сказалъ дядя, бились жестоко. Въ Шевардинѣ Наполеонъ укрѣпился и перевелъ свои войска на лѣвую сторону Колочи. Это измѣнило нѣсколько положеніе и нашей арміи и передвинуло предстоявшее сраженіе между Утицы, Семеновскимъ и Бородинымъ.

Наполеонъ давалъ сраженіе, Кутузовъ его принималъ послѣ Шевардинской битвы на открытой, слабо укрѣпленной мѣстности, съ силами, вдвое слабѣе противъ французовъ. Кутузовъ отклонялся отъ сраженія до тѣхъ поръ, пока не высказалось вполне народное требованіе сраженія.

Армія наша растянута на восемь верстъ, и всѣ деревни на этомъ разстояніи были раззорены, чтобы мѣсто очистить.

Центръ нашъ былъ назначенъ въ Бородинѣ. Правый флангъ—шелъ далеко въ ущелье, гдѣ течетъ Москва рѣка, тамъ построено было три редута.—И центръ и правое крыло Кутузовъ отдалъ подъ команду Барклая де-Толли; — лѣвый флангъ, бывшій прежде тамъ, гдѣ Шевардино, отнесенъ былъ къ Семеновскому, тамъ гдѣ Красная горка, онъ находился

*) Укрѣпленное мѣсто пушками—на холму.

подъ командою князя Багратіона. За Красной Горкой—оврагъ, по ту и другую сторону оврага разставлены были укрѣпленія.

Кромѣ того, поотдалъ стояли запасныя войска. На другой день Шевардинской битвы, все было тихо. Французы устроивались у себя, а мы у себя.

Свѣтлѣйшій объѣзжалъ наше войско. Передъ каждымъ полкомъ онъ останавливался и говорилъ: „завтра битва, стойте крѣпко, ребята, Москва передъ нами“ и велѣлъ обойдти съ образомъ смоленской Божіей матери всѣ полки.

Впереди церковнаго шествія стройно шла пѣхота, съ снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе.

На встрѣчу идущимъ бѣжали безъ шапокъ солдаты и ополченцы работавшіе на батарее. Священники шли въ ризахъ съ причтомъ и пѣвчими. За ними офицеры и солдаты несли на полотенцахъ большую икону въ окладѣ. Все это было освѣщено яркими лучами солнца, легкій вѣтерокъ игралъ лентами, повѣшенными на иконѣ. Пѣніе тихо разносилось въ чистомъ воздухѣ. Икону окружала огромная толпа, съ открытыми головами, офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ. На всѣхъ лицахъ выражалось одно и то же чувство—сознанія торжественности наступавшей минуты. Каждый полкъ служилъ особый молебенъ, вездѣ встрѣчали заступницу на колѣняхъ.

Кутузовъ въ это время объѣзжалъ позицію. Возвращаясь къ Татариновой, онъ подошелъ къ молебну. Толпа, окружавшая икону, разступилась, — онъ остановился позади священника, перекрестился, коснувшись рукою земли, тяжело вздохнулъ и опустилъ голову. Когда молебенъ кончился, свѣтлѣйшій подошелъ къ образу, опустилъ на колѣни, положилъ земной поклонъ, и, поднявшись, приложился къ иконѣ. Въ эту минуту раздался около него крикъ „орель! орель! Кутузовъ взглянулъ на верхъ и видитъ надъ его сѣдой головою парить орель. Свѣтлѣйшій первый отдалъ орлу

честь и крикнулъ „ура!“ полки подхватили одинъ за другимъ—загремѣло „ура“ и разлилось далеко по окрестности.

Икона тронулась дальше; Кутузовъ подошелъ къ деревнѣ и сѣлъ въ тѣни ближайшаго дома на деревянную лавку, которую ему подаль казакъ. За свѣтлѣйшимъ адъютантъ всегда возилъ деревянную лавочку.

Блестящая свита окружила главнокомандующаго.

Наполеонъ провелъ весь день 25-го августа, осматривая мѣстность, обсуживая планы, которые представляли ему маршалы, и лично отдавалъ приказанія своимъ генераламъ.

Осмотрѣвши мѣстность противъ Шевардинскаго редута, онъ указалъ, гдѣ устроить къ завтрашнему дню двѣ батареи для дѣйствія противъ русскихъ укрѣпленій, и гдѣ рядомъ съ ними должна выстроиться полевая артиллерія.

Отдавши приказанія, Наполеонъ возвратился въ свою ставку и продиктовалъ диспозицію сраженія. Потомъ велѣлъ себѣ подать стаканъ пунша и сталъ разговаривать о предметахъ не касающихся войны.

Наступалъ вечеръ. По небу бродили облака. Вѣтеръ стихнулъ. Въ воздухѣ чувствовалась сырость. Изъ непріятельскаго стана долеталъ шумъ и голоса. Въ русскомъ лагерьѣ перекликались часовые, кое-гдѣ ржали лошади, тамъ и сямъ трещали костры. Кто варилъ себѣ ужинъ, кто чистилъ мундиръ, одни надѣвали чистое бѣлье—готовились на смерть, другіе молились на колѣняхъ. Когда позвали солдатъ выйти по чаркѣ водки, большая часть отказались. Наступила ночь. Многіе легли спать въ послѣдній разъ.

Ночь была темная, сырая. Наполеону не спалось. Онъ велѣлъ подать себѣ и адъютанту дежурному по стакану пуншу и сталъ съ нимъ разговаривать.

Спрашивалъ, роздали-ли солдатамъ рисъ, жаловался на мучившій его насморкъ и на медицину. Потомъ надѣлъ теплый сюртукъ и не смотря на свой насморкъ и сырость ночи вышелъ изъ палатки.

Повсюду было тихо, сквозь дымъ костровъ блестѣли

огни по русской линіи и слышалось движеніе французскаго войска. Они занимали позицію.

Въ половинѣ шестаго часа, Наполеонъ верхомъ ѣхалъ по деревнѣ Шевардино.

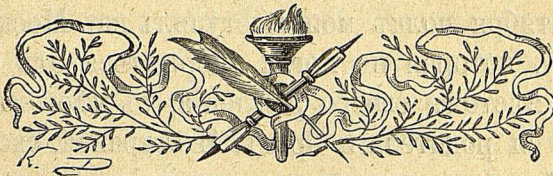
Разсвѣтало. Облака расходились, костры догарали.

Съ правой стороны прокатилъ густой, одинокій пушечный выстрѣлъ. Спустя нѣсколько минутъ—второй, третій.

Еще не отзвучалъ этотъ выстрѣлъ, какъ прокатились другіе и слились въ одинъ громовой гулъ.

Бородинская битва началась.

(Продолженіе будетъ).

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЛѢННИКЪ ВЪ РОССІИ ВЪ 1813 ГОДУ.

Выступление изъ Москвы. Взрывъ Кремля. Путь до Смоленска. Бѣдственное положеніе отступавшей арміи. Битва при переправѣ черезъ Березину. Въ поискахъ за Аніэлою. Отъ Березины до Вильны.

II.

23-го октября полкъ мой выступилъ изъ Москвы. Я утѣшалъ Аніэлу, которая не могла удержаться отъ слезъ, разставаясь съ мѣстомъ своего рожденія, съ мѣстомъ, гдѣ были похоронены ея родители и братъ. Я старался, сколько могъ, облегчить ей всѣ трудности путешествія. Я самъ купилъ для нея мѣховое платье и всѣ необходимыя для дороги вещи. Мы выѣхали изъ Москвы въ коляскѣ покойной княгини.

Съ нами отправились старая гувернанта Аніэлы и мой вѣрный Тьерри. Рана моя начинала заживать, и все повидимому предвѣщало намъ благополучное путешествіе. Въ послѣдніе дни, проведенные нами въ Кремль, непріятель пытался пробраться въ эту крѣпость и размѣнялся съ нами нѣсколькими выстрѣлами, но этимъ все дѣло и кончилось. Мы выступили изъ города ни кѣмъ не тревожимые въ глухую полночь, и окружающія насъ развалины едва виднѣлись во тьмѣ. Эти развалины, думалъ я съ грустью, единственный результатъ пролитой крови и столькихъ безвременно погибшихъ жизней!

Мы были въ четырехъ или пяти верстахъ отъ Москвы, когда раздался ужасный взрывъ Кремля. Никогда, ни прежде, ни послѣ не приходилось мнѣ слышать такого страшнаго треска и грохота. Гулъ продолжался нѣсколько минутъ и затихъ. Нѣсколькихъ минутъ было достаточно чтобы уничтожить эти стѣны столько вѣковъ сооружавшіяся!

Нашъ отрядъ двигался по верейской дорогѣ, гдѣ мы должны были присоединиться къ арміи. По всей этой громадной равнинѣ взорамъ представлялись разбросанные трупы людей и лошадей, раскиданное оружіе.

Отъ Москвы до Нѣмана въ деревняхъ не уцѣлѣло ни одной избы: русскіе все сожгли и разрушили. И по такой-то дорогѣ должна была идти наша армія! Четырнадцатаго ноября мы прибыли въ Смоленскъ. Армія остановилась здѣсь на нѣсколько дней, чтобы собраться съ силами и пополнить свои скудные средства. Но мы не нашли ничего въ полуообгорѣломъ городѣ и тотчасъ покинули его въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, въ какомъ и пришли. Начались холода, голодъ терзалъ несчастныхъ солдатъ, и все это не болѣе какъ въ ста верстахъ отъ Москвы. Что же будетъ дальше!

Въ Смоленскѣ мы были вынуждены оставить свою коляску и взять сани, что могло значительно ускорить наше путешествіе. Тамъ же я получилъ письмо отъ своихъ родныхъ—это мнѣ было большимъ утѣшеніемъ.

Мы удивлялись, почему непріятель не пользовался печальнымъ положеніемъ нашей арміи. Еще не достигнувши Дубровны, многихъ изъ нашихъ уже не стало. Никто не подумалъ обезпечить армію продовольствіемъ, и солдаты были вынуждены уклоняться съ дороги, чтобы искать себѣ пропитанія въ деревняхъ. Жестоко расплатились мы за всю эту несчастную войну: бѣдняки, пытавшіеся добыть себѣ пищи, захватывались въ плѣнъ и нерѣдко платились жизнью за попытку—не умереть съ голода. Въмѣсто мертвыхъ намъ попадались исхудалые, голодные солдаты; послѣ тщетной борьбы съ холодомъ и голодомъ, они падали въ изнеможеніи

на снѣгъ, и не имѣя силъ слѣдовать за арміей, замерзали. Намъ не на что было надѣяться: все передъ нами было сожжено, дорога была усыпана снѣгомъ и умершими. Русскіе были отомщены.

Наша армія шла большею частью ночью, короткихъ зимнихъ дней не хватало для большихъ переходовъ. Темнота и снѣгъ, превратившійся отъ сильныхъ морозовъ въ какія то обледенѣлыя глыбы, крайне затрудняли наше движеніе. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали солдаты минуты остановки; съ какою радостью смотрѣли они на отдаленные огни, блиставшіе въ ночной темнотѣ! Но вмѣсто утѣшенія, находили у этихъ огней небольшія группы своихъ же товарищей, собравшихся погрѣться и погоревать. Часто я видѣлъ, какъ многіе изъ солдатъ тщетно старались зажечь нѣсколько вѣтокъ, покрытыхъ ледяною корою; другіе—раздуть обгорѣлыя головни, покрывая ихъ грудю сухихъ листьевъ и принужденные отказаться отъ своего намѣренія, со слезами отчаянія бросались на землю, призывая смерть прекратить ихъ страданія. Случалось, что по утру, солдатъ, принимаясь будить товарища, къ ужасу своему находилъ его умершимъ. Переживавшіе эти страшныя ночи торопились удалиться отъ печальныхъ мѣстъ своихъ стоянокъ.

Мы часто были принуждены проводить ночь въ своихъ саняхъ, не имѣя возможности развести огня и расправить свои переознобленные члены. Аніэла съ твердостью переносила всѣ неудобства пути, и страданія французовъ трогали ее до слезъ. Она не разъ давала хлѣба наиболѣе ослабѣвшимъ и измученнымъ и ободряла ласковыми словами.

26-го ноября мы добрались до Борисова. Предѣлъ нашихъ страданій по видимому еще былъ не положенъ: мы узнали, что Березинскій мостъ сожженъ и предъ нами новая преграда. Къ тому же, до насъ дошли слухи о новой непріятельской арміи, возвращавшейся изъ Турціи, съ которою намъ неминуемо встрѣтиться.

Мы находились наканунѣ рѣшительной битвы; мостъ че-

резъ Березину начали уже строить, и 27 ноября мы должны были переправиться по немъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать: ѣхать ли на поле битвы или оставаться съ Аніэлой, у которой не было другого защитника кромѣ меня. Наконецъ первое чувство превозмогло, и я далъ себѣ слово сражаться до послѣдней капли крови.

Съ горемъ смотрѣлъ я на Аніэлу; она спала спокойно и не предчувствовала, что я покидаю ее надолго, быть можетъ навсегда.

Едва забрезжило утро, какъ я присоединился къ моимъ товарищамъ по оружію. Началась ужасная битва; мы сражались не подалеку отъ Березины, оберегая, насколько это было возможно, перекинутые черезъ эту рѣку мосты. Одинъ изъ нихъ былъ уже сломанъ; множество ядеръ со свистомъ пролетало надъ головами безоружной толпы, стѣснившейся на другомъ уцѣлѣвшемъ мосту, спѣшившей переправиться. Ужасъ и отчаяніе выражались на лицахъ этихъ несчастныхъ, между которыми можно было различить женщинъ и дѣтей. Едва одно ядро повергало на окровавленный свѣгъ нѣсколько жертвъ, какъ другое, еще ужаснѣе по своимъ послѣдствіямъ, слѣдовало за нимъ и вновь заставляло содрогаться эту безгласную трепещущую толпу.

Скоро панический страхъ охватилъ всѣхъ толпившихся на мосту. Сколько несчастныхъ нашли тамъ свою смерть! Одни были раздавлены пушечными колесами, другіе сброшены съ моста въ ледяныя волны Березины. Я сражался вблизи самаго моста и былъ свидѣтелемъ этого раздирающаго душу зрѣлища. Какъ радовался я, что успѣлъ накануне переправить Аніэлу чрезъ этотъ мостъ! Вскорѣ показалось пламя; необходимость остановить врага заставила насъ зажечь мостъ.

Между тѣмъ, битва продолжалась съ ожесточеніемъ; непріятель подавлялъ насъ своею численностью, и наши стрѣлки принуждены были отступить. Множество раненыхъ покрывало нашъ путь и просили насъ или взять ихъ съ

собою или покончить ихъ мученья пулею или штыкомъ. Я никогда не забуду страдальческаго голоса одного молодого солдата и произнесенныхъ имъ словъ. „Ахъ, говорил онъ, развѣ мы не тѣ же самые стрѣлки, которымъ кричали еще сегодня утромъ: впередъ, друзья, впередъ! За что же насъ безжалостно бросаютъ? Ужели это награда за наше отчаянное мужество?“ И это была правда: храбрость стрѣлковъ дала намъ возможность пробиться чрезъ непріятельскую армію, обезпечила намъ выходъ, а мы въ благодарность бросали ихъ на произволъ судьбы! Мы продолжали медленно отступать, оборачиваясь для того только, чтобы дать залпъ по непріятелю. Никакихъ мѣръ не было принято для перевозки раненыхъ вслѣдъ за арміей! Что это была за безчеловѣчная война!

Ночь прекратила сраженіе; гремѣвшія цѣлый день пушки умолкли; наша разстроенная армія остановилась на приваль. Грустно бродилъ я вокругъ бивуаковъ, отыскивая Аніэлу, напрасно звалъ Тьерри. Аніэлы не было нигдѣ. Усталый и измученный, я прилежъ возлѣ костра, разведеннаго драгунами и рѣшилъ дожидаться утра, чтобы продолжать свои поиски. По моимъ предположеніямъ она должна была уже давно находиться на этомъ мѣстѣ. Быть можетъ она проѣхала дальше, не рассчитывая, что армія остановится такъ близко отъ поля битвы, говорилъ я себѣ. Мысль, что она не могла выбраться изъ этого ада, въ которомъ мы провели цѣлый день, не давала мнѣ покоя.

Едва разсвѣло, я снова пустился на поиски. Не было и признаковъ похожаго на наши сани, не видно было ни Тьерри, ни Аніэлы, ни гувернантки. Они находятся впереди насъ, рѣшилъ я, и пустился въ путь. Голодъ начиналъ меня мучить, послѣдній кусокъ хлѣба, который я захватилъ съ собою, приходилъ къ концу. Скоро придется умереть! думалъ я, но мысль объ Аніэлѣ придавала мнѣ твердость, и я бодро подвигался впередъ.

Я шель въ продолженіе цѣлаго дня; утомившись, при-

легъ и крѣпко заснулъ, во время сна у меня украли мою шубу. Былъ страшный холодъ, и я съ благодарностью принялъ шинель, предложенную однимъ изъ проходившихъ солдатъ, и продолжалъ мой путь. Мои непривычныя къ ходьбѣ ноги были изранены, и каждый шагъ производилъ жестокую боль. Къ довершенію всего, холодъ давалъ себя чувствовать, тотъ необыкновенный холодъ, который надобно испытать самому, чтобы составить о немъ понятіе, и боль отъ котораго можетъ сравниться только съ сильнѣйшимъ ожогомъ. Этотъ страшный холодъ пронизывалъ насквозь мое платье и леденилъ меня до костей. Трудно вообразить себѣ печальную картину, которую представляла наша армія. Среди бѣлой массы снѣговъ въ мрачномъ молчаніи тянулася длинная черная линія.

На каждомъ шагу мнѣ приходилось наталкиваться на зрѣлище голодной смерти. Мы безпрестанно подвергались нападеніямъ небольшихъ отрядовъ казаковъ; съ дикими криками они бросались на насъ, я старался воодушевить солдатъ, и нерѣдко градъ нашихъ пуль разгонялъ непріятелей.

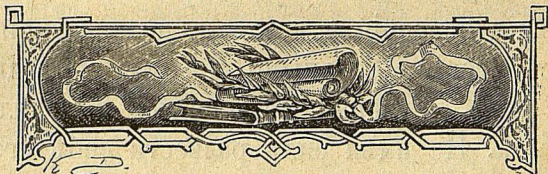
Добравшись до какой нибудь деревни, всѣ спѣшили занять уцѣлѣвшія строенія и когда я, подвигавшійся медленно всѣхъ съ своими больными ногами, приходилъ въ какой нибудь домъ, — меня безжалостно выгоняли, говоря, что нѣтъ мѣста. Не имѣя силъ развести себѣ огонь, я какъ милости просилъ позволенія приблизиться къ бивачнымъ кострамъ. Иные отказывали, но другіе солдаты, особенно тѣ, съ которыми я отбивался отъ казаковъ, узнавъ меня, приглашали поближе къ огню и заботились обо мнѣ. Безъ ихъ участія я неминуемо замерзъ бы въ эти страшныя морозныя ночи.

Мы приближались къ Вильнѣ, холодъ усиливался. Разстройство въ арміи достигло крайняго предѣла. Одна старая гвардія сохраняла нѣчто похожее на порядокъ. Морозы стояли выше 27 градусовъ. Дойдя до города, гдѣ мы надѣялись найти отдыхъ и спасеніе, всѣ солдаты почувствовали себя бодрѣе и рвались впередъ.

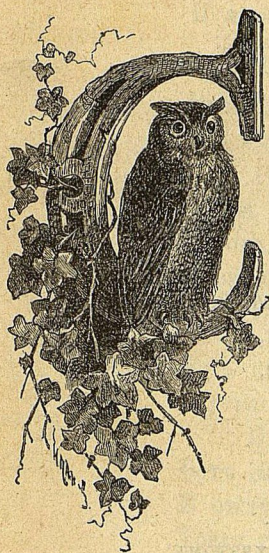
Пятнадцать дней, считая со дня несчастной битвы при Березинѣ, мою пищу составляло одно лошадиное мясо. Подходя къ Вильно, я поздравлялъ себя съ окончаніемъ нашихъ мученій.

Наконецъ мы подошли къ воротамъ Вильны, но здѣсь насъ встрѣтила неожиданная преграда. На протяженіи четверти версты, дорога была покрыта повозками, опрокинутыми экипажами, убитыми лошадьми и ранеными, всѣ стремились достигнуть желаннаго отдыха. Смятеніе было страшное. Несмотря на мою слабость, мнѣ удалось найти окольную тропинку, по которой я и вошелъ въ городъ, минуя злополучную главную дорогу и городскія ворота. Я нашелъ себѣ убѣжище въ одномъ изъ виленскихъ домовъ и въ первый разъ послѣ столькихъ тяжелыхъ дней могъ нѣсколько облегчить свои страданія.

(Продолженіе будетъ).

БОРОДИНО.

КАЖИ-БА, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!“

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что-жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.

У нашихъ ушки на макушки!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй, въ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добратъся до картечи!“
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилежъ вздрѣмнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усь.

И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй,
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денёкъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двигались какъ тучи,
И все на нашъ редуть—
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена какъ тѣни.
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значить русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучи кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный бой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы.

М. Лермонтовъ.

РАЗСКАЗЫ МѢСЯЦА.

Андерсена.

СТРАННАЯ у меня натура! Когда я нахожусь подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія, руки отказываются служить мнѣ, и уста не произносятъ обычныхъ словъ. Я не могу ни передать, ни высказать этого впечатлѣнія, а между тѣмъ такъ живо оно зарождается во мнѣ! Но все-таки я художникъ—мнѣ подсказываетъ опытный глазъ, и всякій, кто только видѣлъ мои эскизы и картины, можетъ подтвердить это.

Бѣднымъ ученикомъ я жилъ въ узкомъ переулкѣ и только въ одномъ не имѣлъ недостатка—это въ свѣтѣ, потому что моя каморка находилась на самомъ верху, и изъ нея простирался видъ на всѣ крыши города.

Въ первое время я страшно скучалъ здѣсь и чувствовалъ себя вполне одинокимъ; кромѣ грязныхъ, темныхъ трубъ, которыя замѣняли мнѣ лѣсъ и зеленѣющіе холмы родины, я ничего не видѣлъ. Здѣсь не было у меня друга, я не встрѣтилъ ни одного знакомаго лица.

Однажды вечеромъ печально стоялъ я у моего окна, потомъ отворилъ его и сталъ смотрѣть. Вдругъ мною овладѣла какая-то невыразимая радость—я увидѣлъ давно знакомое мнѣ лицо, круглое, доброе лицо моего стараго пріятеля, котораго зналъ еще тамъ на родинѣ. Это былъ мѣсяцъ, милый, старый мѣсяцъ, все такой же, какимъ я уви-

дѣль его въ первый разъ, когда онъ смотрѣлъ на меня изъ-за прибрежныхъ ивъ. Я послалъ ему поцѣлуй, онъ тотчасъ же показался въ моей комнатѣ и объявилъ, что будетъ посѣщать меня каждый вечеръ, лишь только выйдетъ на ночную прогулку. Мѣсяцъ сдержалъ свое слово. Я жалѣю только, что онъ слишкомъ мало времени проводилъ у меня, но все-таки было достаточно, чтобы рассказать кое-что изъ своихъ наблюденій въ предыдущую ночь или въ тотъ же вечеръ.

— Рисуи все то, о чемъ я тебѣ буду рассказывать, говорилъ онъ мнѣ въ первое свое посѣщеніе: у тебя выйдетъ прекрасная книжка эскизовъ.

Я послѣдовалъ его совѣту и, конечно, могъ бы издать въ картинахъ новую въ своемъ родѣ „Тысячу и одну ночь“, но этого было бы слишкомъ много. Разказы, которые я издаю теперь, не выбраны мною, но слѣдуютъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ сообщалъ ихъ мѣсяцъ. Талантливый художникъ или поэтъ или наконецъ композиторъ сдѣлалъ бы больше, чѣмъ я, вѣдь мои настоящіе разказы ничто иное, какъ легкіе обрисы, мѣстами собственныя мысли, такъ какъ мѣсяцъ посѣщалъ меня не каждый вечеръ: иногда набѣгали тучки и скрывали его изъ глазъ моихъ, иногда я собственными руками отодвигалъ завѣсу скрывавшую моего друга.

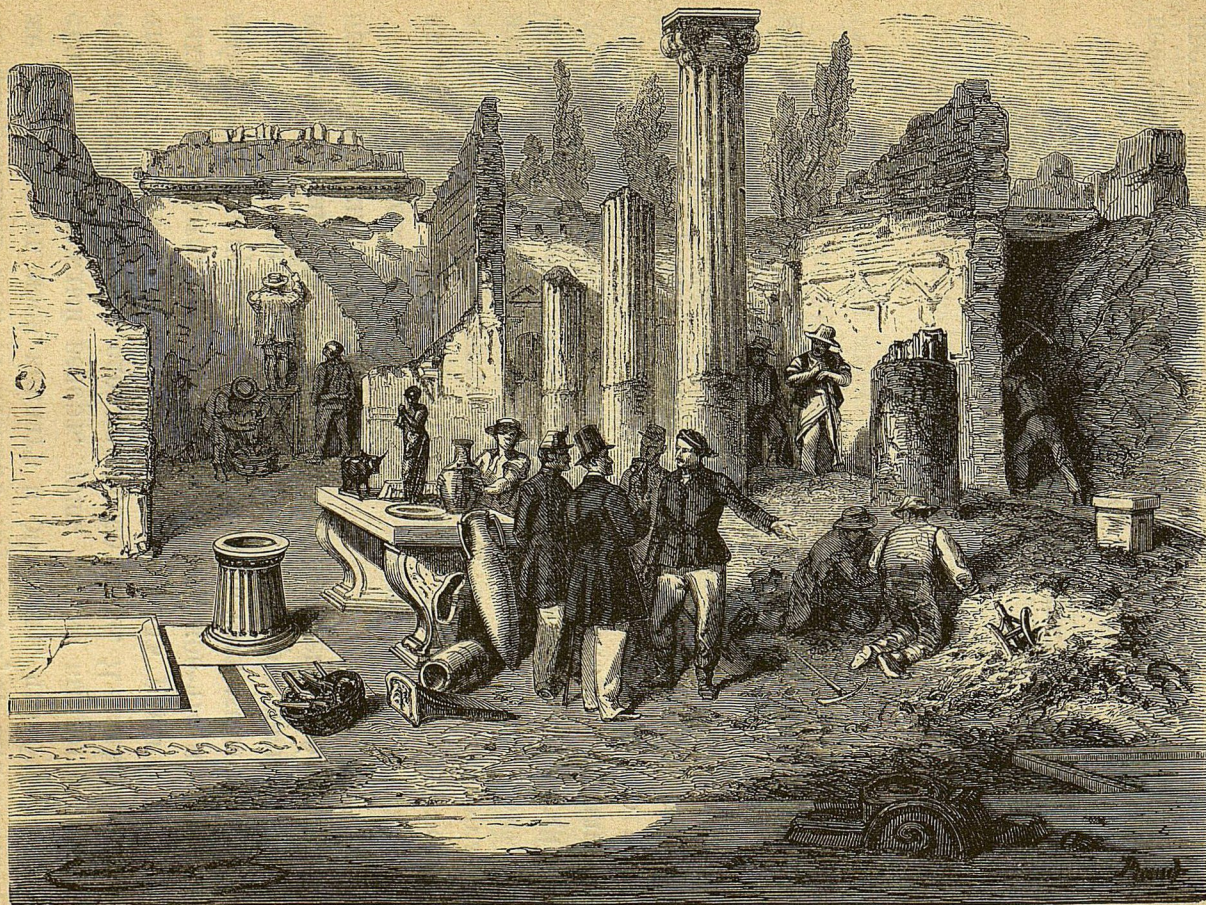
Ј. К. Андерсенъ.

ВЕЧЕРЪ I.

Картина съ помпейскихъ развалинъ.

— Сегодня я хочу тебѣ дать сюжетъ для картинъ съ помпейскихъ развалинъ — сказалъ мнѣ мѣсяцъ. Я былъ въ предмѣстьи этого города, въ такъ называемой Улицѣ гробовъ, гдѣ находится множество драгоцѣнныхъ памятниковъ.

Прежде тамъ собирались на танцы веселыя толпы юношей съ прекрасными подругами, ихъ головы украшали вѣнки

РАЗВАЛИНЫ ПОМПЕИ.

изъ розъ. Теперь же тамъ пусто, повсюду видны слѣды смерти и разрушенія.

Нѣмецкіе солдаты на неаполитанской службѣ охраняють входъ въ городъ, занимаясь отъ нечего дѣлать игрою въ карты и кости. Иностранцы, пришедшіе изъ-за горъ, вступаютъ въ Помпею въ сопровожденіи караула. Они хотѣли осмотрѣть этотъ воздвигнутый изъ праха городъ при моемъ свѣтѣ. На улицахъ, вымощенныхъ широкими плитами изъ лавы, я показывалъ имъ слѣды колесъ, они заглядывали на маленькіе дворы, гдѣ еще уцѣлѣли украшенные множествомъ раковинъ бассейны фонтановъ, но фонтаны не били, пѣніе не раздавалось въ великолѣпныхъ чертогахъ съ ихъ сторожами—металлическими изваяніями собакъ.

Это былъ мертвый городъ, только на Везувіи гремѣлъ его вѣчный гимнъ, стихи котораго грозятъ людямъ новымъ изверженіемъ.

Мы отправились въ храмъ Венеры. Онъ построенъ изъ бѣлаго блестящаго мрамора съ высокимъ алтаремъ и съ широкою лѣстницею. Плакучія ивы растутъ среди колоннъ.

Воздухъ прозраченъ, небо сине, въ глубинѣ сцены стоитъ Везувій, весь черный отъ угольной пыли, а надъ нимъ прямо, какъ стволъ кедра, подымается огненный столбъ; облако, все изрѣзанное по краямъ и залитое багрянымъ пурпуромъ огня, лежитъ на немъ, какъ вершина кедра.

Когда путешественники приблизились къ театру, гдѣ тогда давались трагедіи, всѣ разсѣлись по каменнымъ скамьямъ амфитеатра, который, какъ тысяча лѣтъ тому назадъ, занималъ то же небольшое пространство; сцена выглядывала новою съ постоянными кулисами и съ двумя арками на заднемъ планѣ, чрезъ которыя, какъ и прежде, виднѣлась та же декорация—горы между Соренто и Амальфи.

Пѣвица, извѣстная всей Европѣ, случайно находившаяся среди путешественниковъ, шутя поднялась на сцену и запѣла. Вся окрестность, казалось, внимала ея пѣсни, то легкой и беззавѣтной, какъ бѣгъ арабской лошади, когда она,

закусивъ удила, стрѣлою мчится по степи, то грустной, хватающей за сердце, какъ плачь матери у креста сына. И кругомъ ея, какъ тысяча лѣтъ назадъ, раздались рукоплесканія—„счастливая! на тебѣ почилъ перстъ Божій!“ Немного спустя театръ опустѣлъ; всѣ ушли, все снова умолкло, а развалины стояли по прежнему, какъ простоятъ еще много вѣковъ, и никто уже не вспомнитъ объ этомъ минутномъ торжествѣ, о прекрасной пѣвицѣ, объ ея пѣснѣ. Все забудется, все минуетъ, даже для меня этотъ часъ уже исчезнувшее воспоминаніе.

ВЕЧЕРЪ II.

Вертель Торвальдсенъ.

Уже прошло нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ это случилось здѣсь, въ Копенгагенѣ. Я смотрѣлъ въ окно бѣдной хижины. Отецъ и мать спали, не спалъ одинъ маленькій сынъ. Я видѣлъ, какъ двигалась цвѣтная занавѣсъ у его постели и маленькую высунувшуюся голову. Я думалъ сначала, что онъ смотритъ на борнгольскіе стѣнные часы. Они были пестро разрисованы красною и зеленою краскою, наверху сидѣла кукушка, тяжелыя свинцовыя гири спускались до полу, а маятникъ, съ блестящею мѣдною доскою, ходилъ туда и сюда—тикъ, такъ—но не на часы глядѣлъ малютка; нѣтъ, предметомъ его вниманія была прялка, стоящая подъ часами. Это любимая вещь ребенка во всемъ домѣ, но онъ не смѣлъ ее трогать, потому что боялся матери. По цѣлымъ часамъ, когда она пряла, онъ сидѣлъ, глядя на жужжащее веретено и вращающееся колесо и думалъ свою глубокую думу. Ахъ! да когда же онъ также будетъ прясть на веретенѣ! Отецъ и мать спали. Онъ посмотрѣлъ сначала на нихъ, затѣмъ на прялку, быстро поднялся на постели, сперва опустилъ на

поль одну обнаженную маленькую ножку, затѣмъ другую—разъ! и онъ уже стоялъ на полу. Малютка оглянулся еще разъ, чтобы окончательно удостовѣриться, спятъ ли родители? Они спали. Крадучись, подошелъ онъ къ пряткѣ, схватился за нее своею худою, маленькою рученкою и началъ прятать. Ремень соскочилъ съ колеса и оно завертѣлось еще быстрѣе. Я цѣловалъ ребенка въ его бѣлокурые волосы и голубые глазенки. Картина была великолѣпная. Въ это время проснулась мать. Услышавъ шумъ, она выглянула изъ-за занавѣсы и увидѣвъ сына, подумала, что это нимфа.

— Съ нами Богъ! воскликнула она и въ испугѣ толкнула въ бокъ мужа. Тотъ открылъ глаза, протеръ ихъ рукою и посмотрѣлъ на трудолюбиваго мальчика.

— Это—Бертель! сказалъ онъ.

Избушка скрылась изъ моихъ глазъ. Въ ту же минуту мои лучи освѣтили ватиканскую залу, гдѣ стояли мраморные боги. Я видѣлъ группу Лаокоона, казалось, мраморъ дышалъ. Я запечатлѣлъ свой тихій поцѣлуй на груди музыки—она отвѣтила на мой поцѣлуй. Дальше всего я остановился надъ нильскою группою, она представляетъ колоссальнаго бога. Задумчиво стоитъ онъ тамъ, опираясь на сфинкса, и какъ будто во снѣ думалъ онъ о протекшихъ годахъ. Маленькіе амурь кружились около него, играя съ крокодилами. Одинъ амуръ сидѣлъ съ скрещенными руками на рогѣ изобилія, смотря на величественнаго рѣчнаго бога. Этотъ амуръ былъ вѣрное изображеніе маленькаго ребенка—тѣ же черты.

Жизненно и граціозно стояло мраморное дитя, а между тѣмъ уже тысяча лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ оно явилось на свѣтъ изъ подъ рѣзца скульптора. Такъ же часто, какъ прялка въ бѣдной горницѣ, вертѣлось громадное колесо времени и теперь еще вертится, когда столѣтія производятъ на свѣтъ новыхъ мраморныхъ боговъ.

— Прошло много лѣтъ, продолжалъ мѣсяцъ: вчера я смотрѣлъ на бухту у восточнаго берега Зеландіи. Тамъ я увидѣлъ роскошные лѣса, высокій холмъ, древнее зданіе

съ красными стѣнами, лебедей во рву, около вала и маленькую деревеньку среди фруктовыхъ садовъ.

Множество лодокъ, всѣ залитыя огнями, скользили по спокойной поверхности моря. Это не рыбаки собрались на ловлю угрей, это былъ праздникъ. Раздавалась музыка, слышались пѣсни, а на одной лодкѣ стоялъ онъ — виновникъ торжества: высокій, могучій мужчина въ большомъ плащѣ. Его голубые глаза свѣтились, волосы спускались до плечъ. Я узналъ его, и мои думы перенеслись въ Ватиканъ, къ нильской группѣ. Я думалъ о небольшой, бѣдной горницѣ въ Гронской улицѣ, гдѣ маленький Бертель сидѣлъ въ одной коротенькой рубашenkѣ и прялъ.

Повернулось еще разъ колесо времени—новые боги явились изъ камня.

Съ лодокъ раздавалось—„ура! ура! Бертелю Торвальдсену“!

Переводъ съ нѣмецкаго.

А. А. Григорьевъ-Сухановъ.

СТАТУЯ ТОРВАЛЬДСЕНА.

ПУСТЯ нѣсколько дней по приѣздѣ въ Копенгагенъ, Торвальдсенъ принялъ предложеніе барона и баронессы Стампе переселиться къ нимъ въ деревню. Тамъ, окруженный вниманіемъ и уваженіемъ хозяевъ и ихъ дѣтей, онъ скоро сдѣлался членомъ этого почтеннаго семейства. Обширное помѣстье барона Стампе находилось около залива въ четверти часа ѣзды отъ Низое; оно было окружено столѣтнимъ паркомъ, богатыми фермами и лѣсами. Изъ Копенгагена до Стампеберга было восемь часовъ ѣзды на парходѣ, а сухимъ путемъ еще далѣе.

Торвальдсенъ занималъ въ первомъ этажѣ двѣ комнаты; одна изъ нихъ была его мастерская, гдѣ онъ вскорѣ и принялся за трудъ со своимъ обычнымъ увлеченіемъ. Друзья стали упрашивать его сдѣлать свою собственную статую. Торвальдсенъ не могъ отказать имъ въ этомъ, и хотя неохотно, но сдѣлалъ небольшую модель своей статуи, на этомъ и остановился, говоря, что комната недостаточна высока и мало освѣщенія сверху для большой работы. Тогда баронесса осторожно разспросила его какого размѣра и какъ должна быть освѣщена мастерская, чтобы въ ней удобно было работать и, въ то время, какъ Торвальдсенъ поѣхалъ на нѣсколько дней въ Копенгагенъ, она выбрала въ саду,

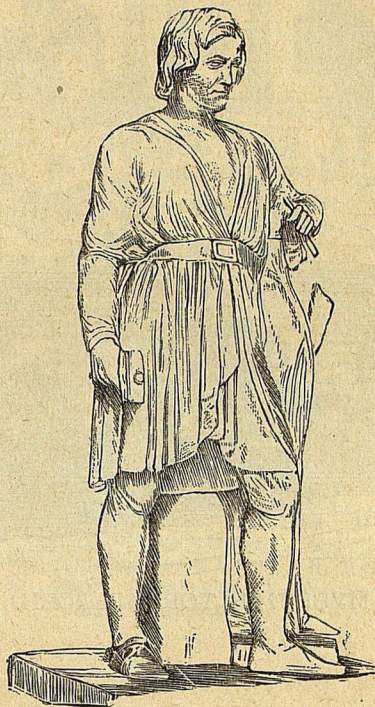
окружавшемъ домъ, мѣсто удобное для студіи, призвала рабочихъ, велѣла срубить тамъ три большія дерева и на этомъ мѣстѣ выстроить небольшую мастерскую такого размѣра и съ такимъ освѣщеніемъ, какъ говорилъ Торвальдсенъ.

Возвратившись изъ Копенгагена, художникъ очень обрадовался при видѣ новой мастерской и, по случаю его водворенія, въ этомъ жилищѣ было устроено празднество. Мастерская была такъ хороша и удобна, что у Торвальдсена не было предлога отказывать всеобщей просьбѣ относительно его статуи, и онъ усердно принялся за работу.

Работа его была прервана письмомъ изъ Копенгагена отъ Эленшлегера, въ которомъ поэтъ проситъ Торвальдсена сдѣлать его бюстъ. Въ письмѣ проглядывало сильное желаніе знаменитаго человѣка оставить потомству черты свои, сдѣланныя рѣзцомъ великаго скульптора. Читая это письмо, Торвальдсенъ, несмотря на врожденное добродушіе, не могъ удержаться, чтобы не посмѣяться нѣсколько надъ этимъ. Но вдругъ онъ пересталъ шутить и письмо упало къ ногамъ его. „Мнѣ ли смѣяться, сказалъ онъ, надъ тщеславіемъ другихъ, въ то время какъ самъ воздвигаю памятникъ своему тщеславію“. Съ этими словами онъ порывисто бросилъ на землю свои рабочіе инструменты и хотѣлъ разбить свою статую. Находившаяся тутъ же баронесса крикнула на помощь людей и насильно вывела его, заперла мастерскую и ключъ отъ нее спрятала къ себѣ. Нѣсколько дней она старалась убѣждать его не разбивать своей статуи, но все было напрасно. Тогда видя, что просьбами ничего нельзя сдѣлать, она прикинулась очень огорченной, расплакалась и сказала, что въ немъ нѣтъ къ ней и искры дружескаго чувства.

Старецъ, наивный, какъ дитя, попался на эту уловку, тронутый горестію баронессы, онъ вскричалъ: „Пусть думаютъ что хотятъ, статуя моя не для потомства, она для друзей моихъ.“ И съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялся за свою статую. Спустя двѣ недѣли съ половиною она была готова. Художникъ представилъ себя въ рабочей блузѣ,

опершись одной рукой о статую „Надежды“. Съ этого времени Торвальдсенъ сдѣлался постояннымъ гостемъ Стампеберга. Въ мастерской выстроенной для него баронессой, кромѣ собственной своей статуи, онъ сдѣлалъ бюстъ поэта Эленшлегера, эскизъ большого фреска, представляющій въѣздъ

Бертель Торвальдсенъ.

Исуса Христа въ Иерусалимъ, другой—Несеніе Креста и много еще работъ изъ христіанскаго міра.

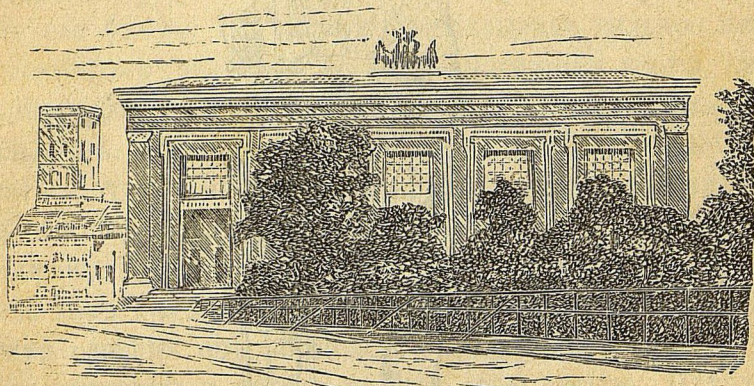
Постояннымъ посѣтителемъ Стампеберга былъ поэтъ Андерсенъ. Въ разсказѣ изъ своей жизни, онъ говоритъ, что однажды войдя въ комнату Торвальдсена, онъ увидѣлъ его работающимъ фигуру „Пилата“, драпировкой котораго по-видимому былъ недоволенъ; увидя Андерсена, онъ обра-

тился къ нему и спросилъ, какъ онъ находить драпировку, Андерсенъ искренно высказалъ свое мнѣніе.

— Драпировка Пилата болѣе египетская нежели римская, сказалъ онъ.

— Я съ вами согласенъ, возразилъ художникъ, и тотчасъ же уничтожилъ свою работу. Торвальдсенъ далекъ былъ мелочнаго самолюбія!

* * *

МУЗЕУМЪ ТОРВАЛЬДСЕНА.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 ноября 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.